

© Гребенкин, А.В., 2022

УДК 780.7

DOI: 10.24412/2308-1031-2022-3-108-116

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НАЦИОНАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ В «ВАРИАЦИЯХ НА ЯПОНСКУЮ НАРОДНУЮ ТЕМУ “САКУРА”» А. МОЛЧАНОВА

А.В. Гребенкин¹

¹ Новосибирская государственная консерватория им. М.И. Глинки, 630099, Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена вопросу музыкально-эстетических взаимовлияний российской и японской культур. Данная тема раскрывается сквозь призму анализа одного из показательных сочинений современной сибирской академической музыки «Вариаций на японскую народную тему “Сакура”» Андрея Молчанова. Это произведение является результатом мастерского совмещения композитором элементов музыкальных культур Востока и Запада. Яркая, талантливая музыка «Вариаций» затрагивает широкий спектр человеческих эмоций, одновременно поднимая философские вопросы бытия. Автор статьи дает краткую характеристику мировоззрения жителей Японии, указывая на проявления японского и русского начала в сочинении. Представленный исполнительский анализ произведения позволяет определить круг образных сфер каждой вариации, осветить вопросы драматургии вариационного цикла, особенности тематизма и композиционной структуры. В результате его изучения у пианиста сформируется не только образно-эмоциональное состояние, требующее особой эстетики исполнения, но и культура понимания основ японского мировоззрения. В этом смысле «Вариации на тему “Сакура”» имеют культурно-историческую ценность и открывают широкие возможности для последующей эволюции в исполнительской практике.

Ключевые слова: Андрей Молчанов, Сакура, японская культура, интеграция культур, вариации

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гребенкин А.В. О взаимодействии национально-эстетических начал в «Вариациях на японскую народную тему “Сакура”» А. Молчанова // *Вестник музыкальной науки*. 2022. Т. 10, № 3. С. 108–116. DOI: 10.24412/2308-1031-2022-3-108-116.

ON THE INTERACTION OF NATIONAL-AESTHETIC PRINCIPLES IN “VARIATIONS ON THE JAPANESE FOLK THEME «SAKURA»” BY A. MOLCHANOV

A. V. Grebenkin¹

¹ M.I. Glinka Novosibirsk State Conservatory, 630099, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the issue of musical and aesthetic mutual influences of Russian and Japanese cultures. This theme is revealed through the prism of the analysis of one of the demonstrative compositions of modern Siberian academic music “Variations on the Japanese folk theme «Sakura»” by Andrey Molchanov. This work is the result of the composer’s masterful combination of elements of the musical cultures of East and West. The bright, talented music of the “Variations” touches on a wide range of human emotions, while raising

the philosophical questions of being. The author of the article gives a brief description of the worldview of the inhabitants of Japan, pointing out the manifestations of the Japanese and Russian principles in the composition. The presented performance analysis of the work makes it possible to determine the range of figurative spheres of each variation, highlight the issues of dramaturgy of the variation cycle, features of thematic and compositional structure. As a result of its study, the pianist will form not only a figurative and emotional state that requires a special aesthetics of performance, but also a culture of understanding the foundations of the Japanese worldview. In this sense, “Variations on the theme «Sakura»” have a certain cultural and historical value and open up wide opportunities for further evolution in performing practice.

Keywords: Andrey Molchanov, Sakura, Japanese culture, integration of cultures, variations

Conflict of interests. The author declares the absence of conflict of interests

For citation: Grebenkin, A.V. (2022), “On the interaction of national-aesthetic principles in «Variations on the Japanese folk theme “Sakura”» by A. Molchanov”, *Journal of Musical Science*, Vol. 10, no. 3, pp. 108–116. DOI: 10.24412/2308-1031-2022-3-108-116.

Интеграция разных культур всегда притягивает творческих людей. Одним из наиболее ярких примеров такого взаимодействия являются культуры Востока и Запада. Многие западноевропейские и отечественные композиторы тяготели к Востоку, реализуя в творчестве его эстетику, мировидение, где Япония занимала особое место. В то же время их японские коллеги изучали западную культуру, авангардную музыку и воплощали эти принципы в работах. Это был взаимонаправленный процесс, претерпевший значительную эволюцию: от внешнего подражания к реализму.

Сразу возникает вопрос интерпретации подобных сочинений отечественными музыкантами, воспитание которых проходит большей частью на образцах западной музыки, что в свою очередь обеспечивает актуальность изучения основ японского мировоззрения, умения распознавать в композиции элементы музыкальной культуры Страны восходящего солнца. Соответственно целью данной статьи является попытка рассмотреть взаимовлияние друг на друга русской и японской культур на примере «Вариаций на

японскую народную тему “Сакура”» новосибирского композитора Андрея Молчанова¹.

Интерес к освоению богатого культурного фонда Востока западными композиторами возник приблизительно в XVIII в. (Ж.-Ф. Рамо, К. Глюк). Сначала это были сюжетные заимствования, не находящие прямого отражения в музыкальном материале. В дальнейшем восточная тематика более явно проявлялась в сочинениях авторов эпохи романтизма. При этом, надо признать, сходство было внешним: использование ладов, цитирование тем, подражание тембрам и т.п. Композиторы XX в. (К. Дебюсси, М. Равель, Г. Малер, О. Мессиа́н и др.) совершили новый виток в развитии этих процессов. В их творчестве взаимоотношения формы и содержания приобретают большую органичность. «Традиционные приметы “ориентального”, налет экзотики, внешняя яркость постепенно уступают место все более глубокому и тонкому проникновению в самобытную восточную стилистику», что говорит о «сближении с некоторыми общими чертами восточного музыкального мышления» (Орлова Е., 2015, с. 4).

На рубеже XIX–XX вв. интерес к японской культуре начинает возникать и в России. Во многом этому способствует географическое положение двух стран, наличие военных и дипломатических контактов. У русских композиторов первой половины XX в. (М. Ипполитов-Иванов, С. Василенко, И. Стравинский) образ Японии воспринимался как «мистическая экзотика», где главными идейными вдохновителями являлись представления об особенностях изобразительного искусства, специфики образов и структуры японских стихов.

«Следы проникновения японской культуры в Россию можно найти в русском композиторском творчестве, что является отражением непрямого культурного влияния, так как образ экзотического соседа сформировался в творческой сфере русских композиторов через литературу, живопись, философию дзэн-буддизма и пр.» (Риса М., 2008, с. 140). В этот же период Япония активно осваивает европейскую культуру, в частности музыку. Большое содействие в этом вопросе оказали русские музыканты, эмигрировавшие из России после 1917 г., которые вели образовательную деятельность в Японии (Р. фон Кёбер, А. Оно, Н. Шиферблат, А. Черепнин).

Во второй половине XX в., благодаря близкому знакомству отечественных музыкальных деятелей с японской действительностью, их активному изучению традиционной японской музыки, творческому сотрудничеству, представления о Стране восходящего солнца все больше трансформировались из фантазий в сторону реальности (А. Шнитке, Р. Щедрин, С. Губайдуллина).

В конце XX – начале XXI в., творческие связи между Россией и Японией только усиливаются. Японцы регулярно приглашают педагогов из России преподавать в учебных заведениях, а российские музыканты осваивают японские национальные инструменты, проводятся взаимные мастер-классы. Научные специалисты российских вузов целенаправленно изучают музыкальную культуру восточного соседа. Проходит большое количество концертов русско-японской музыки, конкурсов, фестивалей.

Одним из результатов такого сотрудничества явилось сочинение новосибирского композитора А. Молчанова «Вариации на японскую народную тему “Сакура”», в музыке которого органично взаимодействуют японское и русское начало. Изучению фортепианного творчества А. Молчанова посвящено малое количество работ. Здесь следует назвать статью Л. Мурзиной и А. Недоспасовой, в которой дан исполнительский анализ фортепианной сюиты «На Сибирских просторах» (2017, с. 48–58). С каждым годом фортепианные произведения А. Молчанова приобретает большую известность, его сочинения все чаще исполняются на концертных площадках городов Сибирского региона, России и зарубежья.

«Вариации...» были написаны в 2004 г., а в 2005 г. впервые исполнены новосибирской пианисткой С. Реутской на международном конкурсе в Японии, где были отмечены критикой как лучшая обработка японской песни. Впоследствии «Вариации...» были неоднократно исполнены А. Гребенкиным на концертах русско-японской культуры в Новосибирске и Томске.

Появление подобных сочинений всегда интересно, поскольку они находятся на стыке разных культурных тенденций, и в то же время представляют сложность с точки зрения исполнительского воплощения. Проблема в том, что российские музыканты традиционно воспитываются в системе координат западной культуры. На это в 2012 г. указывала М. Дубровская: «Современное состояние высшего образования России, в том числе музыкально-академического, предоставляет возможности постепенно преодолевать свойственный отечественной высшей школе еще с советских времен европоцентризм и композиторцентризм» (2012, с. 139). Отсюда можно сделать вывод: исполнитель, незнакомый или малознакомый с культурой и традициями Японии, даже при технически совершенной игре, с большой долей вероятности исказит определенную часть культурного кода, заложенную композитором в сочинение.

«Своеобразие японского менталитета и японской культуры обусловлено целым комплексом таких объективных факторов, как природно-климатические условия и способ производства, влияние синтоизма в контексте буддизма и конфуцианства и особый, японский путь развития» (Орлянская Т., 2009, с. 46). Непростые климатические условия, ограниченность природных ресурсов заставляли японцев искать особый стиль взаимоотношений с окружающей средой – стремление гармонии с ней, воспитывали такие черты характера, как мужество, стоицизм, терпимость, трудолюбие. Влияние синтоизма предопределило широкое проникновение ритуалов, этических

норм в повседневную жизнь. В совокупности эти факторы сформировали мировоззрение, где форма, техника исполнения доминируют над содержанием. «Делать вещи правильным образом часто было важнее, чем делать правильные вещи» (Lafayette De Mente B., 1993, p. 2). Кандидат филологических наук, специалист по японской литературе и культуре Е. Дьяконова в статье сформулировала основные тезисы для понимания японской культуры, которые могут быть важны в создании соответствующих музыкальных интерпретаций².

Драматургия «Вариаций на японскую народную тему “Сакура”» А. Молчанова выстроена в одной логике с аналогичными циклами в русском романтизме (С. Рахманинов «Вариации на тему Корелли», «Рапсодия на тему Паганини»): проведение темы, блок фактурных обработок в подвижных темпах с постепенным нарастанием напряжения в музыке и драматической кульминацией (I–IV вариации), блок с вариациями в спокойном движении – лирический центр (V–VI вариации), заключительный этап с итогом (VII–VIII вариации). Из интересных композиторских решений стоит отметить такие, как включение в форму вступления и заключения с идентичным музыкальным материалом, которые проводят смысловую «арку» над всей композицией.

Вступление выполняет роль пролога³. В его образной сфере сразу обозначен конфликт созерцательного и героического. Спокойный, умеренный темп, чередование баса и мягких переборов аккордов арпеджиато, имитирующих звучание национальных инструментов, об-

щее состояние медитации создают ощущение остановившегося времени, образа сакуры, покачивающейся на ветру (тт. 1–5). Басовый речитатив, звучащий с декламацией в нижнем регистре, линия нисходящих аккордов *crescendo*, в основе которых чередуются увеличенные и уменьшенные трезвучия, выводят музыку из состояния спокойствия. Возникает ощущение тревожного ожидания, нарастающее с каждым аккордом, оканчивающееся ярким ударом октавы ля в нижнем регистре.

Основная тема – это цитата японской народной песни «Сакура», которая связана с традицией созерцания, цветения – ханами. В ее звучании гармонично сочетаются проникновенная лирика и объективное космическое начало, напоминающая о поэтике фуэки-рюко («вечное в текущем»). Тема звучит в среднем регистре, что наиболее естественно для голоса. Ее хрупкая мелодия состоит из небольших мотивов, в лаковых интонациях которых можно услышать просветленную грусть и объективное принятие реальности мира. Шестнадцатые *piano leggiero*

в аккомпанементе гибко окутывают мелодию, выдерживая единое движение без агогики, а в конце вариации поэтично устремляются вверх (пример 1).

Далее следует первый блок из четырех фактурных вариаций, в которых происходит постепенное усиление героических образных сфер с последующей драматической кульминацией.

Образцом композиторского мастерства является первая вариация – *allegretto*. В ней А. Молчанов показывает разные приемы работы с темой, используя богатый опыт западной музыки. За основу композитор берет первоначальный мотив темы, изложение которого предлагает в самых разных вариантах: со смещением метра и включением нисходящей сексты (затакт к т. 35), с зеркальной интонацией (т. 35, левая рука), со «скрытой» мелодией в аккордах левой руки (т. 39), в аккордовом изложении (т. 41), с изменением лада в *g-moll* (т. 46).

Не менее интересны жанровые основы вариации. Комбинации разных штрихов, двухдольный метр, компактность звучания, мимолет-

ные вступления темы в разных регистрах роднят ее со скерцо эпохи Барокко. Заслуживают внимания и фактурные преобразования. Сначала это *fugatto*, где два голоса звучат *stretta* с разницей в одну четвертную долю (тт. 35–38), к середине вариации проведение темы с аккордовым сопровождением, а в завершении остается только характерный ритм (повторяющиеся восьмая и две шестнадцатых).

Во второй вариации разрабатываемый элемент темы сокращается в 2 раза по сравнению с первой (зат такт две шестнадцатых и восьмая). Идея ритмического оstinato, заложенная в конце первой вариации, становится главенствующей. Гармония и мелодия предельно упрощаются до короткой попевки из трех нот в ладах пентатоники (т. 50). Подвижный темп, общая динамика *piano*, остроумные смены направления движения темы (сверху вниз, снизу вверх), сходящееся и расходящееся двухголосие, сопоставление регистров создают эффект блика, мерцания символизируют идею «мимолетности мгновения».

В третьей вариации композитор использовал прием *martellato*, получивший широкое распространение в эпоху романтизма у Ф. Листа. Но в отличие от пафосной героики листовского пианизма, ее звучание ближе к произведениям импрессионистов. Тема ясно звучит в левой руке на фоне легких, невесомых аккордов в подвижном темпе, которые словно парят в верхнем регистре инструмента. Подробные указания агогики композитора: *accelerando*, *a tempo*, *allargando*, постоянно создают эффекты приближения и удаления.

Четвертая вариация – *attacca* завершает первый блок и является его итогом. Героическая музыка создает ассоциации с картиной битвы, сражения, напоминает о драматических событиях в японской истории. Такие признаки восточной музыкальной культуры, как главенствующая роль ритма, «остинатный» тип драматургии, прозрачность фактуры, звукояд пентатоники органично сочетаются в ней с элементами русской хоровой культуры, отсылками к отечественному симфонизму. Вариация объемная, с многократными проведениями темы. Ее форму можно определить как два больших этапа разработки темы + главная кульминация. На первом этапе композитор применяет «статичный тип драматургии оstinato плана» (Орлова, Е., 2015, с. 1) с продолжительным удержанием одного эмоционального состояния и развитием ритмико-динамического комплекса. Начиная с т. 91 интонации темы периодически прерываются «хлестким», с отзвуком металла, пунктирным ритмом. Эта фактура имеет много общего с известным «Танцем рыцарей» из балета «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева, но по-восточному более аскетична гармонически и интонационно (пример 2).

В своей динамике развития второй этап контрастен первому. Об разные сферы быстрее сменяют друг

Пример 2. Четвертая вариация, т. 91

друга, смешиваются. Такая пестрота ускоряет время восприятия, придает музыке импульсивность, накаляет ее до предела, доводя до состояния неистового исступления в кульминации. Преобладание остинато, как типа мышления, значительно ослабеваает. К героическим, военным характеристикам добавляется образ русского хора, звучащего значительно и гимнично в *b*-moll и *h*-moll (тт. 104–111), резко с диссонансами в сопровождении «карикатурных» восьмых *staccato* в левой руке (тт. 118–119), траурно, с интонациями стога (тт. 121–122), *agitato maestoso* (тт. 125–126). Второй блок из двух вариаций является лирическим центром цикла. Общую идею отображения прекрасного они раскрывают индивидуально, соответствуя заложенным в них культурным основам.

Утонченная пятая вариация – это пастораль, образы японского сада, пагоды, звучание кото, состояние внутренней гармонии, философские размышления о мире и месте человека в нем. Импровизационный стиль изложения, имитация звучания национальных инструментов, эстетика слушания тишины заставляют погрузиться в японскую культуру созерцания. Важная роль отводится сольным речитативам *quasi koto*. Их выразительность и тембровая окраска передают ши-

рокий спектр эмоционально-образных сфер: от таинственно-загадочных до проникновенно-лирических (пример 3).

Музыкальные корни шестой вариации берут начало в лирических фортепианных миниатюрах русских композиторов конца XIX – первой половины XX в. (А. Аренский, С. Рахманинов, А. Лядов). Несложная форма, выразительная мелодия, богатая гармония, многослойная фактура, использование большого диапазона регистров роднят ее с жанром прелюдии эпохи русского романтизма. В фактуре прослеживаются три пласта: мелодия, бас, гармоническая фигурация. Тема звучит спокойно *cantabile* в *C*-dur, мелодия развивается поступенно, без резких скачков, бас «выстраивает» свою смысловую линию (тт. 167–170).

В третьем, заключительном блоке возвращаются подвижные темпы, демонстрируются виртуозные приемы игры на фортепиано. Стремительно «пролетает» седьмая вариация *allegro molto*. Чеканный ритм, острые штрихи, полиритмия, способы разделения фактуры между руками близки фортепианному творчеству С. Прокофьева. Но в отличие от прокофьевских сочинений эта музыка звучит не дерзко с сарказмом, а сухо. В завершении вариации триоли молниеносно устремляются вниз через все регистры.

Attacca начинается последняя восьмая вариация, в которой композитор имитирует звучание японских национальных инструментов, используя два приема фортепианной игры: арпеджиато и репетицию. Принцип драматургии аналогичен четвертой вариации. Первая половина – остинатный тип развития с удержанием одного эмоционального состояния, вторая – за счет динамичного гармонического развития происходит эмоциональный накал с разрешением в ярком жизнеутверждающем E-dur, символизирующем победу света над тьмой. Интересна и ладовая основа, в которой гармонии мажора и минора звучат со встроенной септимой, смягчающей их звучание (пример 4).

Таким образом, в «Вариациях на тему японской народной песни “Сакура”» Андрей Молчанов мастерски совмещает элементы музыкальных культур Востока и Запада. Композитор смог достичь того уровня взаимодействия и баланса, когда

две разные эстетики незаметно дополняют и обогащают друг друга. Традиционные для западной музыки принципы строения формы, способы развития темы, фортепианные приемы естественно сочетаются с характерными восточными ладами, подражанием звучанию национальных инструментов, прозрачностью фактуры, лаконичностью интонаций, доминирующей ролью ритма.

Звучание цикла формирует образно-эмоциональное состояние, требующее особой эстетики исполнения, понимания основ японского мировоззрения. В то же время, грамотный исполнитель с хорошей интуицией, проанализировав средства выразительности, способен сделать выводы, которые дадут ему представления о японском менталитете. И в этом заключается один из главных феноменов сочинения, его культурно-историческая ценность. Вариации имеют широкие возможности для последующей эволюции в исполнительской практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Молчанов Андрей Сергеевич (род. 29.01.1973) – композитор, музыковед, кандидат искусствоведения, член Сибирской организации Союза композиторов РФ, доцент Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки. Автор более 30 сочинений различных жанров, в том числе произведений для фортепиано.

² Дьяконова Е. 9 главных понятий, по-

могающих постичь японскую культуру // Arzamas. URL: <http://arzamas.academy/materials/729> (дата обращения: 28.04.2022)

³ Анализ «Вариаций на японскую народную тему “Сакура”» осуществляется по изданию: Сибирский альбом: Сб. фортепианных пьес сибирских композиторов: Учеб.-метод. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория им. М.И. Глинки, 2021. С. 53–65.

ЛИТЕРАТУРА

Дубровская М.Ю. Музыкальная культура Японии как предмет изучения // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19-2. С. 136–144.

Мурзина Л., Недоспасова А. Жанрово-стилистические и образно-содержательные аспекты фортепианной сюиты А. Молчанова «На Сибирских просторах» // Вестник музыкальной науки. 2017. № 3. С. 48–58.

Орлова Е.В. Воздействие восточных музыкальных традиций на творчество западно-европейских композиторов XX века // Бюллетень Международного центра «Искусство и образование». 2015. № 2. URL: http://www.art-in-school.ru/bul/2_2015_Orlova.pdf (дата обращения: 23.05.2022).

Орлянская Т.Г. Истоки своеобразия японской культуры // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4. С. 46–57.

Риса М. Япония – Россия: Взаимопроникновение двух музыкальных культур // Проблемы музыкальной науки. 2008. № 2. С. 138–144.

Lafayette De Mente B. Behind the Japanese Bow: an in-depth guide to understanding and predicting Japanese behavior. USA, 1993. P. 2.

REFERENCES

Dubrovskaya, M.Yu. (2012), “Musical culture of Japan as a subject of study”, *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], no. 19-2, pp. 136–144. (in Russ.)

Lafayette De Mente, B. (1993), Behind the Japanese Bow: an in-depth guide to understanding and predicting Japanese behavior, USA, p. 2. (in Eng.)

Murzina, L., Nedospasova, A. (2017), “Genre-stylistic and figurative-substantive aspects of A. Molchanov’s piano suite «In the Siberian expanses»”, *Journal of Musical Science*, no. 3, pp. 48–58. (in Russ.)

Orlova, E.V. (2015), “The impact of Eastern musical traditions on the works of Western Europeanc of the 20th century”, *Byulleten' Mezhdunarodnogo tsentra "Iskusstvo i obrazovanie"* [Bulletin of the International center "Art and Education"], Available at: http://www.art-in-school.ru/bul/2_2015_Orlova.pdf (Accessed 23 May 2022). (in Russ.)

Orlyanskaya, T.G. (2009), “The origins of the individuality of Japanese culture”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Moscow University. Seria 19: Linguistics and Intercultural Communication], no. 4, pp. 46–57. (in Russ.)

Risa, M. (2008), “Japan – Russia: Interpenetration of two musical cultures”, *Problemy muzykal'noi nauki* [Problems of musical science], no. 2, pp. 138–144. (in Russ.)

Сведения об авторе

Гребенкин Алексей Владимирович, доцент Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки

E-mail: alexpiano100@yandex.ru

Author information

Aleksey V. Grebenkin, associate professor at the M.I. Glinka Novosibirsk State Conservatory

E-mail: alexpiano100@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.05.2022

После доработки 13.07.2022

Принята к публикации 15.07.2022

Received 24.05.2022

Revised 13.07.2022

Accepted for publication 15.07.2022